него, она едва можетъ вырвать у него самыя скромныя уступки.

Почему же горячія страницы, съ которыми графъ Толстой обратился къ богатымъ предъ московскою переписью 1882 года, онъ признаетъ потомъ дѣломъ глупымъ и гадкимъ?

„Кто такой я,—спрашиваетъ онъ:—я тотъ, который хочетъ помогать людямъ? Я хочу помогать людямъ и я, вставъ въ 12 часовъ послѣ винта съ четырьмя свѣчами, разслабленный, изнѣженный, требующій помощи и услугъ сотенъ людей, прихожу помогать кому же? Людямъ, которые встаютъ въ пять, спятъ на доскахъ, питаются капустой съ хлѣбомъ, умѣютъ пахать, косить, насадить топоръ, тесать, запрягать, шить, людямъ которые и силой, и выдержкой во сто разъ сильнѣе меня, и я имъ хочу помогать! Что же кромѣ стыда я могъ испытывать, входя въ общеніе съ этими людьми? Самый слабый изъ нихъ пьяница, житель Ржанова дома, тотъ, котораго они называютъ лѣнтяемъ, во сто разъ трудолюбивѣе меня“.

Едва-ли однако причина неудачи попытки графа Толстого лежитъ дѣйствительно въ невозможности для людей нерабочихъ дѣлать добро людямъ рабочимъ, хотя совершенно справедливо, что дѣланіе добра не состоитъ только въ даваніи денегъ, и то, что даваніе денегъ можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямо оказаться зломъ. Если я въ буквальномъ